

ВОЗНЕСЕНИЕ СЛОВА

«Абдулгадир Марагаи».
Художник: Ф. Алиев

Продолжение. Начало см. в №№ 5, 6, 8, 10, 11, 12, 13, 15, 17, 19, 21, 22, 24, 30. 15 главу своей книги академик Рафаэль Гусейнов назвал так: «Покоривший покорителя». Эпиграфом же к ней служит следующее двустишие:

Творю, сочиняю на старости лет,
Жемчужинам песен скончания нет.

Под ними подпись: Абдулгадир Марагаи. А полностью имя автора этих строк, утверждающих на века, что года не помеха творческому горению души и сердца, сколь бы много их ни было, звучит так – Кемаледдин Абдулгадир ибн Джемаледдин Гейби аль Хафиз из Мараги.

Вот он тот герой, которому удалось смягчить и задобрит человека, способного, не колеблясь, заставить живьем закопать в землю тысячи людей, о чём сообщает летописец XIV века Фома Мецопский в своём трактате «История Тамерлана». Здесь же в качестве примера его жестокости Фома рассказывает о том, что, «узнав о предательстве правителя – султана Адил-Тимура, чьё имя само означает «железо», велел бросить того в кипящий котёл и прилюдно сварить». Ужас невольно пробегает по костям от этих фактов, и в тоже время хочется узнать, а как же это удавалось герою данной главы. А потому читаю дальше.

«Родился Абдулгадир 17 декабря 1353 года в одном из тогдашних научных и культурных центров средневекового Азербайджана – городе Мараге. И прожил долгую жизнь... Правитель Восточного Востока называли «тень Аллаха на земле». Судьба сложилась так, что «слуге Аллаха», Абдулгадир у своему веку довелось пребывать в услужении у различных «богоданных правителей, но Аллах сподобил его таким даром, что называл его хоть сто раз на дню «служгой», «нуке-ром», он не мог стать таковым по сути. Внешне по статусу, он пребывал в подчинении у правителей. И, тем не менее, его господа склоняли голову перед своим служгой», – сообщает нам автор книги на странице 436.

Далее мы узнаём о том, что прожил Марагаи 82 года и смолodu, владея искусством превращать своих повелителей в безговорочных поклонников, постоянно находился в кругу царедворцев.

Из повествования мы узнаём о том, что хроникёров-летописцев, которые запечатлели бы его жизнь по дням и часам, при нём не было. Следовательно, как таковой биографии у Абдулгадир из Мараги нет.

«Единственные сведения о годах отрочества даёт сам Абдулгадир. В конце прославленного и обесмертившего его имя трактата «Магасид аль-алхан» – «Назначение мелодий», он пишет о своём отце – «мовлана» (так называли в народе мудрецов, учёнейших людей), основательно сведущем в ряде отраслей науки, особо – в музыковедении, который посвящал его в тайны музыкального искусства.

М.Тарбият в антологии «Данешмандан-е Азербайджан» сообщает о том, что Абдулгадир начал обучаться с четырёхлетнего возраста, а в восемь знал наизуток полностью «Коран». В 10 лет он усвоил грамматику арабского языка, риторику и стилистику, интересовался математикой и музыковедением, читая сочинения авторов, писавших на эти темы, вникая в доскональную суть... Не без основания Абдулгадир ставил своего отца в ряд просвещёнейших современников и считал его своим первоучителем.

Мудрый Гиясаддин Гейбин посвящал сына не только в науку, но и внушал ему уроки поведения. Причащая к тонкостям человеческих отношений, самосохранения, учил тому, как избавляться от возможных козней людей в эпоху роковых и вероломных превратностей бытия».

И, как мы узнаем из дальнейшего повествования, эти уроки отца, его сметливость и находчивость не раз спасали Абдулгадир от верной гибели.

«На закате дней, – читаем мы странице 441, – он написал одно пространное стихотворение – «месневи», из 80 бейтов, где отразились вехи его биографии.

Славу я возношу, Всемогущий, Тебе,
Что сподобил меня благодатной судьбой,
Что меня одарил Ты призором своим,
Что везде я был зван, и желан, и любим,
Что был вхож во дворцы венценосцев земли,
За пиры, где счастливые дни протекли,
Где играл я и пел, зажигая сердца,
Благозвучные песни слагая без конца,
Устоял на многих высоких шедрот,
Жил в довольстве, не зная докучных забот,
А в начале начал, улаждая пиры,
Заслужил я Султана Уейса дары,
Тороватый правитель и щедрый монарх
Был радетелем музы, источником благ,
«Почитай-ка стихи!», – говорил иногда, –
«Чтоб развеять печаль, чтоб ушла маета...»
На меджлисах, бывало, просил он не раз,
Коль гостили араб или турок, иль фарс:
«Несравненный уstad, возьми-ка свой уд,
Пусть волшебные звуки гостей развлекут!»
Иль закажет «Новбат» или «Спой нам газель,
Ту, которую мы не слышали досель!»
Срок последний предвидя, он близкий созвал,
И о смерти своей недалёкой сказал.
В семьсот семьдесят шестом навсегда
Он ушёл, прошептав скорбное: «Альвиде!»
Он ушёл молодым, так судьбой решено.
Но кому быть бессмертным на свете дано?!

При дворе султана Уейса Джелаири, скончавшегося в 1376 году, в жизни Абдулгадир, произошли судьбоносные события, ознаменовавшие восхождение его звезды.

За три года до кончины султан Уейс написал слова, в которых не скупился на похвалу, адресованную молодому поэту и музыканту: «В век Кемаледдина Абдулгадир, которому нет равных, мы, воистину, песчинки... А он – единственный в своём веке и величайший уstad всех времён. Нет сомнения, что нет равного и подобного ему. Он воплотил множество кажущихся нам трудных и очень благозвучных мелодий и исполнил их приятным образом. Все признанные уstadы века и знатоки музыки, бессильные выразить своё восхищение, были вынуждены прикусить себе палец и признаться единодушно, что им невмочь явить такое умение, такую мощь. Доказывать его силу и искать его доводы нет нужды. По существу это ясно, как Божий день. Пусть он постоянно пользуется дарованной ему жизнью и молодостью!»

Из повествования на странице 444, узнаём о том, что сын султана Уейса Джалаледдин Гусейн, сменивший отца на престоле в феврале 1376 году, тут же стал превозносить Абдулгадир, говоря «мой высокий уstad», «бесподобный», «все песнетворцы мира сего – холопы твои». Событие, которое утвердило признание его, как первейшего уstadа, произошло год спустя.

«10 января 1377 года в тебризском дворце султана Гусейна был устроен меджлис именитых музыкантов и учёных – музыковедов. Это было не просто увеселительное собрание, здесь произошло состязание с чрезвычайно жестокими условиями. Представим себе участников – шейхулислама Хадже Шейх уль-Куджаж, Эмир Шамседдин Закарийя, Джалаледдин Фахруллах Абиди, написавший комментарий к трактату «Шарафийя» знаменитого учёного музыковеда Сафиаддина Урмави, один из учителей Абдулгадир Разияддин Ризваншах, Омаршах, другие искушённые певцы и музыканты-сазанде. В ходе общения зашла речь о сочинении в такой сложной вокально-музыкальной форме, как «новбат-и мураттаб». Обычно эти произведения представляли собой четырёхчасовые музыкально-вокальные циклы, в первой части «Гови» озвучивалось стихотворение на арабском языке, во второй – «Газель» – стихи на фарси, в третьей «Терана» – стихотворение – рубаи, в четвёртой части «Фурудашт» – звучали арабские стихи, перекликающиеся и близкие по ритмике с первой частью.

Абдулгадир, выслушав мнения о чрезмерной сложности и головолуки этого жанра, утверждения о невозможности сочинения подобных произведений за считанные дни, смело вступил в разговор и заявил: «Скоро начинается месяц «Рамазан» Если по-

ставите условие, я могу сочинить к каждому из тридцати дней Рамазана новый «новбат-и мураттаб», – читаем на странице 446.

Разияддин Ризваншах, считавшийся одним из почтеннейших тогдашних музыкальных мэтров, не может скрыть своего скепсиса: «Должно быть, у нашего молодого друга имеется тридцать ранее написанных сочинений, и он намеревается показать нам их под видом новых сочинений».

Абдулгадир парирует реплику: «Каждый день вы сами определяйте и предлагайте тему и размер стихов, обусловьте, на каком мугамном ладе, в какой ритмике должна быть музыка, и я буду следовать в работе этим условиям»...

С растущим интересом вчитываясь в каждую строку рассказа автора, невольно подумала о том, а почему бы нам сегодня не проводить подобной сложности состязания, выявляя поистине гениально одарённых Богом исполнителей. Выйти на сцену казанского концертного зала «NEW WAVE HALL», где недавно проходил международный песенный конкурс «Новая волна 2025», в котором принимал участие и представитель Азербайджана, по сравнению с этим состязанием большого труда не стоит. Казалось бы, такие далёкие от нас средние века, а на каком высочайшем уровне в те времена проводились подобные мероприятия. Далее мы узнаём о том, что главным судьёй этого конкурса султан Гусейн назначает именно сомневавшегося в способностях Абдулгадир Ризваншаха – рьяного оппонента задуманной творческой затее.

«Предполагая её неосуществимость, назначают и баснословную награду победителю – 100 тысяч динаров. И вот в течение тридцати дней подряд Абдулгадир продолжает изумлять именитых знатоков. Слагает изысканные стихи на ежедневно задаваемые темы, укладывает тексты на соответствующие мугамные лады, озвучивая приятными мелодиями, и исполняет вокал чарующим голосом.

Изумляло то, что он успевал так скоро и стремительно вынашивать и отшлифовывать тексты и мелодии. Все условия выполнены. Но в завершение состязания, оказавшись в одиночку и безраздельным победителем, Абдулгадир не получает обещанных 100 тысяч динаров. Однако наставник победителя, и он же судья соревнования Ризваншах выражает свои симпатии тем, что благословляет брачный союз своей дочери с Абдулгадиром и провожает её в дом жениха.

Ахмед Бахадур хан вслед с шахи вошёл,
Прославил благами делаши престол.
Был щедрым радетелем мира сего,
Лет двадцать я прожил под сенью его.
Меня называл он «друг дорогой»,
Ценил, согривая заботой благой.
Поклонник искусства, любил красоту,
И дичь на охоте бил на лету.
Меджлисы в Тебризе, в Багдаде пиры
Венчались музыкой с далёкой поры.
Наслушаться пенья не мог моего,
Мне не было ближе душе никого.
Блаженные дни пережил я сполна,
Было мне мнится подобием сна.
Покинул он мир по дороге в Тебриз,
Угасла его светоносная жизнь...
Шуджа шах, Баркук шах воздали мне честь,
Других венценосцев могу перечисть.
И принц Шейх Али, достославный весьма,
От песен моих был, считай, без ума.
Султан Баязет, этот доблестный муж,
Радел всей душой о служителях муз.
Твореньям моим похвалы возносил,
Ценил их всегда, почитал и любил.

Одной из основных государственных забот опекавших Абдулгадир шахов и принцев было составление государственных фирманов и посланий правителям соседних стран. Но каждый из них находил время, чтобы оставить собственноручный высокий отзыв об Абдулгадире, заверенный подписями и печатью», – сообщает автор на странице 449.

Вот каким важным человеком был наш соотечественник из далёкого, и, казалось бы, тёмного средневековья. И если раньше вы ничего о нём не слышали, дорогие читатели «Вышки», благодаря исследовательскому таланту и многотрудной работе академика Рафаэля Гусейнова вы узнаете ещё немало интересных фактов из жизни несравненного уstadа Абдулгадир Марагаи.

Продолжение следует.

Подготовила

Медина ГАСАНОВА,
заслуженный журналист
Азербайджанской Республики.